

© ДАМИАНО РЕБЕККИНИ (ИТАЛИЯ)

ПЕРЕВОД КАК ИНСТРУМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. А. ЖУКОВСКОГО

(О СБОРНИКЕ «МУРАВЕЙНИК» 1831 ГОДА)

Переводы В. А. Жуковского изучались достаточно основательно — как в контексте их значения для развития поэтического языка самого автора, так и в целом, с точки зрения их роли в эволюции русской литературной системы первой половины XIX века.¹ Внимание уделялось теоретическим взглядам Жуковского на литературный перевод, сформулированным, например, в статье «О басне и баснях Крылова» (1809) или в рецензии на перевод Висковатовым «Радамиста и Зенобии» Кребильона (1810).² При этом о переводе как инструменте образовательной пропедевтики в концепции Жуковского исследователи писали существенно реже. В разные периоды своей жизни поэт активно занимался педагогической деятельностью, при том, что его аудитория менялась: сначала, с 1805 по 1811 год, он читал лекции своим племянницам Протасовым, затем, с 1817 по 1824 год, преподавал русский язык прусской принцессе Шарлотте, будущей императрице Александре Федоровне, а с 1823 года — Елене Павловне, жене великого князя Михаила Павловича.³ Наконец, с 1826 по 1839 год поэт руководил образованием наследника престола Александра Николаевича.⁴ В данной статье мы хотели бы кратко рассмотреть, как именно Жуковский использовал перевод в своей педагогической работе с наследником, подробно остановившись на одном уникальном сборнике, подготовленном поэтом и вышедшем в 1831 году в пяти выпусках под названием «Муравейник».

При публикации «Муравейника, литературных листов, издаваемых неизвестным обществом неученых людей» поэт опирался на уже приобретенный им издательский опыт, совершенствуя экспериментальные разработки

¹ В числе многих написанных на эту тему работ см.: *Eichstädt H.* Zukovskij, Als Übersetzer. Drei Studien zu Übersetzungen V. A. Zukovskijs aus dem Deutschen und Französischen. München, 1970 (Forum Slavicum; Bd 29); Библиотека В. А. Жуковского в Томске: В 3 т. Томск, 1978—1988; *Kahlenborn U.* Goethes Lyrik in russischer Übersetzung: V. A. Zukovskij und F. I. Tjutcev als bedeutendste Goethe-Übersetzer der russischen Romantik. München, 1985 (Slavistische Beiträge); *Аверинцев С. С.* Размышления над переводами Жуковского // Зарубежная поэзия в переводах Жуковского: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 553—574; *Левин Ю. Д.* В. А. Жуковский и проблема переводной поэзии // Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985. С. 8—25; *Пильщиков И. А.* Проблемы фонологии и просодии переводного текста: К характеристике переводческой техники В. А. Жуковского // Graduate Essays on Slavic Languages and Literatures / Ed. by M. Altshuller. Pittsburgh (Pa), 1991. Vol. 4. P. 19—29.

² См., например: *Левин Ю. Д.* В. А. Жуковский и проблема переводной поэзии. С. 10—13.

³ О занятиях Жуковского с Александрой Федоровной см.: *Киселева Л. Н.* Жуковский — преподаватель русского языка (начало «царской педагогики») // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2004. Т. 3. С. 198—228. См. также: *Айзикова А. И.* Неопубликованная проза В. А. Жуковского (Из тетрадей, составленных для занятий с Великой Княгиней Александрой Федоровной) // Вестник Томского гос. ун-та. 2003. № 277. С. 121—124.

⁴ Поэт продолжал преподавать и в последующие годы — сначала младшим братьям Александра Николаевича (до 1841 года), а затем и своим собственным детям (до конца 1840-х годов).

прежних лет. В 1818 году в ходе занятий с молодой Александрой Федоровной поэт задумал выпустить особенный поэтический сборник на русском и немецком языках, изданный в итоге в шести небольших томах, число страниц каждого из которых не превышало 32. Сборник печатался с января по май 1818 года и предназначался, как показывает его название, для весьма узкого круга читателей: «Für wenige. Для немногих». Наряду с оригинальными сочинениями на немецком языке собрание включало и ряд признанных переводческих шедевров Жуковского, замечательных поэтических переработок стихотворений Ф. Шиллера, И. В. Гете и И.-П. Гебеля. В связи с этим сборником П. А. Плетнев вспоминал, что «переводы, для особого назначения вылившиеся из-под пера поэта, он хранил как что-то освященное, и потому напечатал их в самом небольшом числе экземпляров. Они выходили тетрадиками в 12-ю долю листа на прекрасной бумаге с белою оберткою, где стояла на двух языках надпись: „Для немногих“. В продаже никогда их не было. Их получили от автора некоторые особы, дорогие для его сердца».⁵ Эти альманахи, проходившие цензуру и публиковавшиеся в Москве в типографии Августа Семена, на самом деле печатались тиражом не более 25—30 экземпляров и, помимо двора, распространялись лишь среди самых близких друзей поэта.⁶ Сборники не только помогали немецкой великой княгине (с помощью сопоставления немецкого оригинала и русского перевода-переделки) лучше понять языковую и культурную специфику ее нового отечества, но и способствовали развитию поэтического вкуса в среде немногочисленных придворных Аничкова дворца.

Другой сборник Жуковского — «Собиратель» — носил уже иной характер; он был задуман поэтом в конце 1820-х годов и предназначался для наследника Александра Николаевича и его товарищей по обучению — Иосифа Михайловича Виельгорского и Александра Владимировича Паткуля. Два номера «Собирателя» вышли в течение 1829 года и были напечатаны, согласно Н. П. Смирнову-Сокольскому, совсем небольшим числом копий — не более 10—15 — в обход цензуры.⁷ Здесь оригинальные и переводные тексты, принадлежавшие Жуковскому, оказывались в решительном меньшинстве. Большинство же помещенных в небольшие тома сочинений было отрывками из произведений европейских авторов на разных языках (русском, немецком, французском и английском). Каждая из книжек «Собирателя» делилась на две рубрики: первая, «Отрывки», содержала наиболее пространственные фрагменты текстов, по большей части переводов (из Ж. Л. Бюффона, Дж. Макферсона, И. Гердера и др.), но, вместе с тем, там же находился и большой отрывок из новой поэмы А. С. Пушкина «Полтава». Второй раздел, озаглавленный «Выписки», включал в себя короткие поэтические и прозаические цитаты, зачастую всего в несколько строк, из сочинений классических (Гомер, Фукидид, Сафо, Сенека, Цицерон, Саллюстий) и современных (Макферсон, Гердер, Гете, Шиллер, Байрон и др.) авторов (как правило, романтического и предромантического времени). Самыми объемными были переводы на русский язык, большая часть которых развивала темы, связанные с одним из ключевых тезисов Жуковского в первый период его занятий с наследником — о связи между священной историей, естественной историей и историей рода человеческого. Самые короткие цитаты, напротив, чаще всего приводились на языке оригинала — немецком, английском и французском — и были объединены в рубрики в зависимости от их предмета: «ничтожность человека», «памятники», «поэзия», «предание», «исто-

⁵ Плетнев П. А. О жизни и сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1853. С. 5.

⁶ См.: Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. М., 1960. С. 424—428.

⁷ Там же. С. 424—428.

рия» и др. Так, например, в «исторической» рубрике были помещены цитаты на разных языках из Цицерона, Н. М. Карамзина, Саллюстия, Гердера и Фукидида; все они демонстрировали то, как упомянутые авторы интерпретировали функцию истории и исторических сочинений.⁸ Речь, как правило, шла о коротких отрывках из книг, изученных или прочитанных наследником. В частности, копирование фрагментов было призвано закрепить в уме ученика самые значимые (с точки зрения преподавателя) сведения о наиболее интересовавших его сюжетах. Таким образом, в определенной степени эти книжки заключали в себе квинтэссенцию того, что читалось в процессе обучения различным предметам. В данном случае обращение Жуковского к переводу носило прежде всего дидактический, а не художественный или творческий характер — он стремился сделать важные для него тексты доступными его ученикам. Хотя в русском литературоведении «Собиратель» именуется то альманахом, то журналом, нам представляется, что как название, так и тематическая структура и внутренняя организация его материала отсылают к книжному жанру, широко распространенному в Европе с XVI века — «commonplace books», сборникам цитат, часто циркулировавшим в рукописной форме и ставившим себе задачу связать прочитанное тем или иным человеком с целой серией аргументов, которые можно было бы затем с легкостью найти и вспомнить.⁹

«Муравейник, литературные листы, издаваемые неизвестным обществом неученых людей» типологически отличался от прежних образцов разнобразной и экспериментаторской деятельности Жуковского-издателя. Облаченный в пародийную и шутливую форму журнала, редактируемого кружком эрудитов, к которому отсылал подзаголовок «листов», «Муравейник», скорее, являлся, подобно «Собирателю», «образовательной технологией», предназначенной для учеников Жуковского, нежели поэтическим альманахом в духе «Für wenige». В сравнении с предшествующими издательскими проектами поэта, здесь Жуковский, как кажется, заботился прежде всего об образовательном воздействии, которое перевод мог бы оказать на его подопечных. В прежних сборниках переводы также занимали важное место, особенно в «Für wenige» и, в меньшей степени, в «Собирателе», при том что в обоих случаях речь шла прежде всего о переводах, выполненных самим Жуковским. В «Муравейнике» же самостоятельно испытать собственные силы в трудном искусстве перевода надлежало самим ученикам. Так, свои переводы, помимо Жуковского, в журнал отдали не только Александр Николаевич, Виельгорский и Паткуль, но и младшие сестры наследника великие княжны 12-летняя Марья Николаевна и 9-летняя Ольга Николаевна, которые подписали сочинения своими инициалами (не всегда, впрочем, с легкостью расшифровываемыми). В одном из писем к Авдотье Елагиной от июня 1831 года сам Жуковский оговаривал, шутя, коллективный характер журнала и внезапность собственного в нем поэтического участия: «Поводом же к написанию стихов было издание журнала, которого никто не читает, ибо он печатается и расходуется в детском мире. Сотрудники издания дети. А издатель, чтобы было что-нибудь в журнале, принялся за

⁸ Собиратель. 1829. Т. 1. С. 18—19.

⁹ О жанровой специфике сборника «Собиратель» и параллелях с «commonplace book» см.: *Rebecchini D. Reading with maps, prints and commonplace books, or how the poet V. A. Zhukovsky taught Alexander II to read Russia (1825—1838) // Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication, 1760—1930 / Ed. by D. Rebecchini and R. Vassena. Milano: Ledizioni, Dizegni, 2014. P. 103—105.* О некоторых из представленных в «Собирателе» текстах и их функции см.: *Реморова Н. Б. В. А. Жуковский и немецкие просветители. Томск, 1989. С. 177—179; Янушкевич А. С. Путь В. А. Жуковского от русской идилии к русской повести: деревенский топос // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Филология. 2013. № 1 (21). С. 112—118.*

стихи и вышло, что Муза с ним еще не рассталась». ¹⁰ Жуковский пояснял, что эти книжки, в отличие от «Für wenige», не могли иметь широкого хождения, поскольку они не получили одобрения цензуры: «Журнал вам получить нельзя, ибо он печатается без цензуры и есть высочайшее повеление, чтобы ничто у нас печатаемое не попадалось с чужих рук». ¹¹ Подобно «Собирателю», «Муравейник» в первую очередь служил в качестве дидактического пособия и, по воспоминаниям Плетнева, печатался исключительно «для учебной комнаты». ¹² Это обстоятельство объясняет и ограниченность его тиража — не более 40 экземпляров, согласно данным Смирнова-Сокольского. ¹³

Для того чтобы понять, какую роль Жуковский в своей педагогической деятельности с наследником отводил переводу, необходимо принять во внимание ряд практических аспектов его образовательного метода. Уже во время занятий с Александрой Федоровной Жуковский постоянно пользовался переводами — не только задавая своей ученице упражнения на грамматические правила русского языка, но также и стремясь, в целом, усовершенствовать ее навыки письменной речи и сформировать стиль. ¹⁴ Уже в 1818 году он, не без некоторой гордости, писал А. И. Тургеневу: «Моя ученица учится прилежно. Переводит мои русские стихи в русскую прозу и свою русскую прозу в немецкую; переводит с лексиконом письма Карамзина». ¹⁵ Несомненно, 19-летняя Александра Федоровна, на момент начала занятий с Жуковским владевшая, кроме немецкого, французским и английским языками и страстно любившая поэзию, отличалась от Александра Николаевича, которому во время выпуска «Муравейника» едва исполнилось 13 лет и чье знание иностранных языков (английского и французского) все еще носило условный характер. Перевод мог быть полезен Александру Николаевичу не только в смысле совершенствования его литературного стиля или навыка изъяснения на русском языке. Упражнения в переводе, возможно, имели и более глубокое познавательное значение.

В первую очередь, следует помнить, что Жуковский не преподавал своему ученику язык и русскую словесность, поэт доверил это задание Плетневу. Кроме того, Жуковский не ставил себе целью развить в Александре особенные литературные или поэтические способности. Курс языка и русской словесности, читавшийся Плетневым с сентября 1829 года, имел прежде всего практическое назначение: помочь наследнику правильно пользоваться русским языком, как устным, так и письменным, в частности с помощью постоянных упражнений. Именно этот аспект и был для Жуковского основополагающим: поэт считал, что ясность выражения свидетельствует и о ясности самой мысли. Поэтому он и рекомендовал Плетневу в одном из писем из Швейцарии от января 1833 года: «Вы менее занимайте его теорией и правилами: пускай более приобретает опытность в слого. Слог не в грамматике, не в риторике, а в действии ума и в выражении мыслей. Итак, как можно более практики». ¹⁶ Лекции же собственно по истории русской литературы начались лишь в 1833 году, когда Александру было уже 15 лет. ¹⁷ Как след-

¹⁰ Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагинной: 1813—1852. М., 2009. С. 364.

¹¹ Там же.

¹² Воспоминания Петра Александровича Плетнева о воспитании Царевича Александра Николаевича под руководством Мердера и Жуковского (1857) // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2527. Л. 20 об.

¹³ См.: Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. С. 424—428.

¹⁴ См.: Киселева Л. Н. Жуковский — преподаватель русского языка. С. 217—219.

¹⁵ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 187.

¹⁶ ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 4 об.

¹⁷ См.: Годы учения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Александра Николаевича, ныне благополучно царствующего Государя Императора // Сборник РИО. СПб., 1880. Т. 30. С. 52.

ствие, переводы, в которых Александр упражнялся в 1829 году, не стремились развить в ученике специальные литературные компетенции. Они были призваны выполнить более широкую образовательную и познавательную функцию, связанную с общей установкой программы его обучения.

Жуковский задумал обучение в целом таким образом, что различные предметы преподавались наследнику на разных языках: географию и всемирную историю надлежало читать по-французски, естественную историю и историю искусства — по-немецки, христианское вероучение и священную историю — по-русски. Наконец, план включал курсы по английскому языку и литературе на английском же языке, а также, хотя и с меньшим количеством часов, курс польского языка (в то время как латынь, помещенная Жуковским в программу, оказалась исключена согласно прямо выраженной воле царя). С самого начала занятий поэт отмечал, что одним из основных инструментов в деле образования будущего монарха должны были служить упражнения в иностранных языках, которые, как он писал в программе обучения, представленной Николаю, «способны дополнять самому сообщенные знания, собственно приобретенными».¹⁸ Жуковский повторил этот тезис в письме к преподавателю французского языка Ф. А. Жиллю: иностранные языки — это «*moyens de compléter soi-même les connaissances communiquées par les maîtres*» («суть средства, дабы самостоятельно дополнить сведения, сообщенные учителями»)¹⁹.

Следуя языковым идеям Гердера, Жуковский был убежден в том, что язык и мысль развиваются параллельно и в тесной связи — как на уровне отдельного человека, в ребенке, так и на уровне народов и человеческой цивилизации в целом. Он также считал, что каждый язык является носителем особенных понятий и мировоззрения, свойственных лишь тому народу, который на данном языке говорит.²⁰ Как следствие, Жуковский желал, чтобы каждый предмет обсуждался учениками на языке, отличном от языка преподавания.²¹ В ситуации мультилингвизма, чему способствовало и разное происхождение учителей и многих придворных, перевод был повседневной практикой, призванной развить аналитические и познавательные способности ученика. Доказательством важности, которую Жуковский придавал подобной «гимнастике» ученического ума, служит тот факт, что в число главных упражнений, введенных поэтом на первой стадии обучения (1826—1832 годы), входило задание воспроизвести на русском языке уроки по всемирной истории, читавшейся Ф. Л. Липманом по-французски, и по естественной истории, преподававшейся К. Б. Триниусом по-немецки. Жуковский писал: «Я не занимался собственно русским языком: ни грамматикой, ни даже чтением. Язык есть выражение мыслей, чтобы хорошо владеть им, нужно иметь мысли. Я обратил все на повторение на русском языке трех лекций Павского, Липмана, который преподавал по-французски и Триниуса, который преподавал по-немецки. Мое дело состояло: 1. В приведении в ясный порядок и в утверждении в памяти того, что каждый из трех учителей преподавал особливо».²² С помощью воспроизведения на русском языке предметов, читавшихся по-французски и по-немецки, ученик практиковался в переводе сложных понятий, встречавшихся во всеобщей, древней и

¹⁸ Там же. С. 2.

¹⁹ Там же. С. 23.

²⁰ О влиянии лингвистических идей Гердера на Жуковского см.: *Реморова Н. Б. В. А. Жуковский и немецкие просветители*. С. 130—147.

²¹ См.: РНБ. Ф. 286 (Жуковский). Ед. хр. 124. Л. 1—4.

²² Цит. по: *Божеянов И. И.* Детство, воспитание и лета юности русских императоров. СПб., 1914. С. 108.

христианской истории, согласно языковым и культурным категориям, принятым в России. Жуковский, дабы облегчить выполнение этой задачи, даже просил своих учеников составить небольшой сравнительный словарь понятий.²³

По методу, разработанному Жуковским, перевод служил не только средством закрепления в памяти сюжетов, о которых рассказывали лекторы. Он также выступал в функции важного инструмента понимания и усвоения тех книг, которые ученики читали самостоятельно в свободное от занятий время. Так, среди занятий, рекомендованных в качестве упражнений, следующих за чтением и дававших доказательства качественного осмысления текста, находились: «хорошие переводы; письменные отчеты в чтении; хорошие, значительные выписки из читаемых книг».²⁴ Число отрывков, переведенных Александром Николаевичем в период с 1829 по 1834 год, весьма велико. Примечательно и то, что речь чаще всего шла о переводе фрагментов именно из исторических или нравоучительных, а не современных поэтических или литературных сочинений. Как правило, выбор отрывков для перевода тематически в точности совпадал с программой обучения, в особенности по всеобщей и естественной истории.²⁵ В 1828—1829 годах, например, Александр Николаевич и его соученики изучали под руководством Липмана древнюю историю. И именно в эти годы Александр переводил тексты о греческой истории (см., в частности, перевод с французского на русский глав из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха «Агид и Клеомен» или «Аристид»²⁶). С 1830 по 1832 год ученики занимались с Липманом, учителем немецкого происхождения, средневековой историей, от времени падения Римской империи до крестовых походов, — и в то же самое время Александр переводил с русского на немецкий язык многочисленные фрагменты о древней и средневековой истории.²⁷ В этой работе использовались не только учебники, но и специальные исторические труды, такие как, например, «История венецианской республики» Пьера-Антуана Дарю или «История герцогов Бургундских» Проспера де Баранта.²⁸ Важной частью обучения была работа с оригинальными источниками: французской и персидской эпической поэзией, скандинавскими сагами, текстами по арабской истории. Именно с этими штудиями и связано значительное число переводов, выполненных Александром и его товарищами в начале 1830-х годов.²⁹ Как правило, отрывки, переведенные наследником, не были обширны и посвящались, например, завоеваниям и арабской экспансии в Европе (см., в частности, переводы, озаглавленные «Аравитяне», «Древность их происхождения», «Богатство их языка», «Из аравитского поэма Фирдуси», «Бегство Магомета во Медину», «Магомет в сражении при Бедрю»), учению Корана («Из Алькораны», «Молитва», «Понятие о единобожии», «Омовение», «Странствование», «Нравоучение из Корана», «Источники Корана» и пр.).³⁰ Достаточно часто

²³ См.: РНБ. Ф. 286. Ед. хр. 124. Л. 1 об.—2.

²⁴ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1484. Ч. 3 («Постановление об оценке успехов»).

²⁵ О программе занятий с наследником по всемирной истории см.: РНБ. Ф. 286. Ед. хр. 124. Л. 1—13. О методах и источниках изучения всемирной истории см.: *Rebecchini D. V. A. Zulkovskij, Alessandro II e la 'Storia universale' // Russica Romana. 2012. Vol. XIX. P. 77—102.*

²⁶ См.: Учебные переводы великого князя Александра Николаевича с французского на русский. 1829—1831 // ГАРФ. Ф. 678 (Император Александр II). Оп. 1. Ед. хр. 188.

²⁷ См.: Ученические тетради великого князя Александра Николаевича. Переводы с русского на немецкий, 1830—1831 // ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 206.

²⁸ Об этом см. письмо Жилия к Жуковскому от 17 января 1833 года: ИРЛИ. Ед. хр. 28045. Л. 36.

²⁹ См.: Переводы 1833 года // ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 228; Собрание моих переводов, 1833 // Там же. Ед. хр. 229; Там же. Ф. 728. Оп. 1. Т. 2. Ед. хр. 1484. Ч. 3. Л. 14—14 об.

³⁰ Там же.

встречаются здесь и переводы фрагментов, связанных с эпической поэзией северных народов («Древние исландские поэты», «Исландские рассказчики» и др.), французскими эпическими текстами («Легенда архиепископа Турпена на смерть Роланда, который умер во время похода Карла Великого в Испании») или с историей средневековой Европы («Робер Гискар, Вильгельм Завоеватель и Григорий VII»).³¹ Речь идет о материалах, заимствованных из разных источников, как из современных произведений (например, «Картина средневековой литературы» Абеля-Франсуа Вильмена, сочинения Гердера, «Исторические этюды» Р. Шатобриана), так и из более древних текстов.

Именно из этой постоянной работы — переводов и переработок текстов, связанных с темами, пространством и ключевыми фигурами средневековой европейской истории — и выросли материалы, собранные Жуковским в «Муравейнике»: арабские легенды и описания арабских народов (на французском и русском языках: Муравейник. № 1. С. 24—26; № 2. С. 23; № 3. С. 22—24); истории о христианизации языческих правителей, например, рассказ о короле Нортумберленда, переведенный с английского на русский (Муравейник. № 1. С. 23—24), или история лангобардского короля Гильдебранда, переложенная с немецкого на французский язык (Муравейник. № 2. С. 24—25); поминальная песнь по легендарному королю викингов Рагнару Лодброку (Муравейник. № 3. С. 28—30; № 5. С. 19—22); отрывок из поэмы «Книга о царях» персидского поэта Фирдоуси (Муравейник. № 1. С. 24); исторические анекдоты о великих людях, таких как Фридрих II (Муравейник. № 1. С. 30), Суворов (Муравейник. № 2. С. 22—23), Петр Великий (Муравейник. № 4. С. 17—21), Александр Невский (Муравейник. № 5. С. 1—2). С помощью практики перевода поэт непосредственно приобщал своих учеников к различным культурным и литературным традициям. Тот же Плетнев не переставал твердить Александру, вслед авторитетному свидетельству Гердера, что «литература есть наивернейшее изображение духовной жизни народа», а «язык и мысль неотделимы друг от друга».³²

Оригинальные произведения Жуковского, которые, как правило, открывали каждый номер журнала, будь то проза («Взгляд на землю с неба» или «Письмо к издателю») или переводы и стихотворные переложения (такие как «Сид», «Перчатка», «Две были», «Неожиданное свидание», «Сражение с змеем»), создавались с отчетливо учебными целями. Именно поэтому их следует осмысливать и анализировать, учитывая в первую очередь педагогическую функцию сборника, в котором они впервые увидели свет (Муравейник. 1831. № 1. С. 9—21; № 2. С. 11—19). Если, с одной стороны, перевод составлял важный элемент в процессе ассимиляции концептов, идей и художественных форм, связанных с различными народами и культурами Запада, то с другой, он способствовал формированию художественного стиля самих учеников. Плетнев в своих записках о преподавании при дворе вспоминал, что Жуковский придавал особенную педагогическую важность именно тому обстоятельству, что переводы его учеников будут опубликованы: «известно, что никогда так ясно не представляются ошибки самому автору, как при появлении труда его в печати», писал он об издании «Муравейника».³³ Кроме того, наличие в начале каждого номера простых, ясных и

³¹ Там же.

³² См. письмо П. А. Плетнева к Александру Николаевичу: ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 2—2 об., 5.

³³ Воспоминания Петра Александровича Плетнева о воспитании Царевича Александра Николаевича под руководством Мердера и Жуковского (1857) // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2527. Л. 20 об.—21 и далее.

гармоничных текстов самого Жуковского давало переводчикам очевидный образец для подражания, как это подчеркивал и Плетнев: «Кроме такой выгоды, молодой сочинитель и переводчик пользовался из тех же книжек другой: он находил тут зрелые произведения наставника своего, невольно сравнивая их со своими, и живее чувствовал разницу между ними».³⁴

В заключение заметим, что переводы, инициированные Жуковским при издании «Муравейника», были призваны обратить внимание учеников на дистанцию между европейскими языками и культурами, а также между русской и другими системами ценностей. С помощью постоянного упражнения в переводе Жуковский приучал Александра и его товарищей к умственной гимнастике, помогавшей им идентифицировать особый характер различных традиций и в то же самое время активно и сознательно его усваивать. Переводы позволяли ощутить разницу между структурами европейских языков и культур — не только формальную, но и понятийную и аксиологическую. Практикой чтения и перевода на русский язык отрывков из конкретных сочинений английских, французских и немецких авторов поэт подталкивал наследника к тому, чтобы тот сопоставлял гражданское и культурное развитие России с развитием других европейских народов и, одновременно, заимствовал многие важные культурные достижения последних. С этой точки зрения, переводы служили прекрасным упражнением и в свете будущей политической деятельности монарха.

³⁴ Там же.